

А. Ю. ВЕРЕВКИН

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВО ФРАНЦИИ КАК ПРОЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

В последние десятилетия политическая история во Франции стала в полном смысле современной областью исторической науки. После длительного периода дискредитации она смогла обогатить свой методологический арсенал, расширить предметную область за рамки государственных институтов и публичного права, увеличить хронологический масштаб исследований. Автор анализирует причины подъема политической истории. В противовес объяснениям на уровне общих тенденций в исторической дисциплине, основное внимание уделено собственному вкладу историков политики в теоретическое развитие своей области. В частности, показано ключевое значение их подхода к трактовке исследовательского объекта.

Ключевые слова: новая политическая история, культурная политическая история, междисциплинарность, исторический синтез

Политическая история во Франции стала в полном смысле современной приблизительно в 1980-е гг. До этого в глазах профессиональных историков она долго оставалась исключительно традиционной и даже архаичной частью дисциплины. Временем наибольшей дискредитации политической истории стали послевоенные десятилетия, на которые во Франции пришелся расцвет социальной истории и школы «Анналов». Казавшаяся анналистам «узкой» и «поверхностной» история политики не соответствовала их научному канону, нацеленному на «широкий» синтез и поиск «глубинных» процессов. Но к концу 1980-х социальная история утратила роль доминирующего проекта французской историографии, уступив место пестрому разнообразию новых подходов. Несмотря на тематический и методологический плюрализм, новый этап нередко воспринимался негативно, как время «дробления»¹, отхода от крупных исторических обобщений² и разрыва с традицией.

Политическая история, напротив, именно в этот момент вступила в фазу подъема. Сегодня она демонстрирует признаки способности к широкому синтезу новых подходов и научных результатов. За три десятилетия политическая история расширила свой методологический арсенал инструментами смежных дисциплин, её предметная область вышла за рамки государственных институтов и публичного права, а хронологический масштаб исследований вырос на порядок. Более того, несмотря на последовательное внедрение новых подходов, исследователи политической истории настаивают на преемственности своих традиций.

В данной статье сделана попытка найти причины этих успехов. Наиболее расхожими являются объяснения через тенденции в масшта-

¹ Dosse 1987.

² Fabiani 2007.

бах всей исторической науки – будь то «критический поворот»³, «возвращение субъекта»⁴, переход «от чисел к смыслам» или – ещё шире – «смена парадигм в социальных науках»⁵. Однако такие объяснения игнорируют самостоятельный вклад политических историков в развитие своей области, поэтому мы сосредоточимся на теоретической работе самих представителей политической истории. Политическая история во Франции не является до конца однородной и целостной субдисциплиной, поэтому, чтобы придать отчётливые очертания предмету исследования, мы вынуждены обойти вниманием отдельные работы неоднозначной родовой принадлежности, а также целые исследовательские проекты, вроде «концептуальной политической истории»⁶ или «социологии истории политики»⁷, сосредоточившись только на одном, наиболее заметном варианте французской политической истории.

Речь пойдёт о течении, которое сформировалось к 1980-м гг. на стыке Парижского института политических исследований (далее – Sciences Po) и университета «Париж X» и к сегодняшнему дню произвело уже три поколения исследователей. В институциональном плане возникновение этой традиции выразилось в создании в 1984 г. Центра истории Science Po, и это течение иногда называют «школой Science Po». В теоретическом плане оно известно по фигурам основателей в лице Рене Редона⁸ и ряда его единомышленников, а также по основополагающим текстам – коллективным сборникам «За политическую историю» (1988), и «Оси и методы политической истории» (1998)⁹.

В развитии этого течения можно вычлени́ть три основных этапа: 1) «реабилитация» политической истории в 1980-е гг., 2) расширение предметной области, связанное с восхождением «культурной политической истории» (1990–2000-е гг.), 3) возвращение вопроса об ограничениях политической истории на современном этапе. Последовательный анализ внедрения новых методов на каждом из этапов позволит в итоге выделить факторы, имевшие сквозное значение. Попробуем показать, что ключевым среди этих факторов был определенный подход к общей трактовке объекта исследования, причем, политика будет рассмотрена не столько в междисциплинарном контексте общей политической теории, сколько в её инструментальном значении исследовательского объекта конкретной исторической субдисциплины.

³ Histoire et sciences sociales. Un tournant critique?..

⁴ Le Goff 1992.

⁵ Gauchet 1988.

⁶ Rosanvallon 2003.

⁷ Deloye, Voutat 2002.

⁸ Знаковой для данного направления была вышедшая ни «пике дискредитации» политической истории фундаментальная работа по истории французских правых с 1815 г.: Remond 1954.

⁹ Pour une histoire politique...; Axes et méthodes de l'histoire politique...

Реабилитация политической истории

Критика политической истории присутствовала во французских социальных науках на протяжении почти всего XX в. В 1903 г. Ф. Симиан назвал «идола политического» первым «идолом племени историков»¹⁰ за акцент на единичных и случайных фактах, который лишал историков способности к обобщению и поиску закономерностей. Именно такую историю – сугубо дескриптивную, ищущую «особенные причины особенных событий» – Анри Берр (1911)¹¹ противопоставлял своему проекту исторического синтеза. Наиболее основательная программа критики политической истории возникла в рамках школы «Анналов», многое впитавшей из наследия Симиана и Берра.

В работах анналистов за политической историей закрепились такие стигматизирующие понятия как «история-битва», «история-рассказ», «историзирующая история», «психологизирующая история» и т.д.¹². Жак Жюльяр дал резюме длительной критической традиции на страницах известного сборника «Делать историю» под редакцией Ж. Ле Гоффа и П. Нора. По его словам, политическая история была «идеалистической» и «элитистской», «точечной» и «событийной», «идеологизированной» и «неполной», не способной к анализу и сравнению, не осведомленной о собственных недостатках. Она обладала «наивным» представлением, которое усматривает «причину феномена в наиболее очевидном из действующих лиц», а важность феномена «оценивает по непосредственному воздействию на сознание наблюдателя». Наконец, он писал, что такое представление является «докритическим» и «не заслуживает называться наукой»¹³. В среде анналистов аргументы против методов традиционной политической истории сочетались с представлениями о расстановке приоритетов в предметном поле исторической науки. Так, исследования обширных социальных общностей, процессов большой длительности и глубинных экономических структур представлялись предпочтительной альтернативой изучению политических событий и персоналий, войн и дипломатии, законов и государственных институтов.

Знаковая для школы «Анналов» работа Фернана Броделя (1949) «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» была выдающимся примером этого рода. В ней политика как таковая оказалась поверхностным уровнем социальной реальности. Жак Ле Гофф метко указал что, в работе Броделя политическая история предстала «чуланом истории», её «атрофированным придатком»¹⁴. У Броделя низкий статус политической истории не был следствием её методов

¹⁰ Simiand 1903.

¹¹ Датируемая 1911 годом глава «Дискуссия с историзирующим историком» в книге: Berр 1921. P. 22.

¹² Февр 1991.

¹³ Julliard 1974. P. 229-230.

¹⁴ Le Goff J. Is politics still a backbone of history? (1971). Цит. по: Ле Гофф 1994.

исследования, но проистекал из свойств самой политики на фоне более «глубинных» уровней истории. Так, по словам Пьера Шоню, книга оказала столь сильное влияние на целые поколения историков, поскольку продемонстрировала «настоящее пространство» (*espace vrai*), пространство «не скрытое ширмой государства, не обезглавленное национальной рамкой с ее административной географией и границами»¹⁵.

Однако, несмотря на бесспорный научный авторитет, личный вклад Броделя, как и творчество всей школы «Анналов» не дают исчерпывающего объяснения истоков стереотипа о низкой познавательной ценности изучения политики. Такое положение вещей, по-видимому, резонировало с широкой интеллектуальной конъюнктурой эпохи, о чём можно судить по тому, что тема вторичности политики была также общей для таких влиятельных исследовательских программ как марксизм, структурализм и психоанализ. Политические феномены относились к уровню «видимостей» и конечных звеньев в причинно-следственных цепочках в каждой из этих областей знания. Последний ряд примеров выводит на уровень явлений показывает: задачи потенциальной «реабилитации» политической истории не сводились только к освоению актуальных научных подходов. В равной степени требовалось уйти от негативных стереотипов о самом объекте политической истории. Жак Жюльяр, несмотря на уничижительную характеристику существующей политической историографии, призывал изменить отношение к политике, поскольку «нет никакой пользы от того, чтобы и дальше приписывать недостатки методов объекту, к которому они применяются»¹⁶.

Жак Ле Гофф предпринял одну из первых попыток оправдания политической истории через реабилитацию её объекта. Он предложил перейти от изучения узкой сферы традиционной политики к изучению истории «власти». Такая политическая история под руководством антропологии и экономики могла бы занять место среди социальных наук в качестве вспомогательной дисциплины. Ле Гофф оговаривал, что политическая история все же не может претендовать на автономию, поскольку она является самой «хрупкой» перед лицом «старых бесов»¹⁷ – пороков, определивших крах традиционной политической истории.

Не только полноценной, но и самостоятельной субдисциплиной политическая история стала уже в 1980-е гг. Важнейшей работой, специально направленной на достижение автономного статуса, стал сборник «За политическую историю» (1988) под редакцией Рене Ремона¹⁸.

Задачу вернуть политической истории самостоятельный статус авторы обозначили уже во вступлении: «политика должна объясняться,

¹⁵ Chaunu 1974. P. 62.

¹⁶ Julliard 1974. P. 231. Далее в тексте Жюльяр добавляет, что «политическая история завтрашнего дня будет историей власти и её распределения» (Ibid. P. 243).

¹⁷ Ле Гофф 1994. С. 181, 190.

¹⁸ Pour une histoire politique...

прежде всего, через политику», а не сводиться исключительно к результатам действия «более глубинных» процессов. Но они не стремились к изоляции и представляли историю как совокупность областей «культурного, экономического, социального, политического, которые взаимно и, в зависимости от конъюнктуры, неравномерно влияют друг на друга, сохраняя собственный динамизм и автономность»¹⁹. Авторский коллектив помимо Ремона составили Ж.-П. Азема, Ж.-Ж. Беккер, А. Курро, Ж.-Н. Женнени, Ф. Левиллэн, П. Мильза, А. Про, Ж.-П. Риу, М. Винок и Ж.-Ф. Сириелли. Их профессиональные интересы простирались от традиционных политических сюжетов вроде войн и дипломатии до истории религии, искусств и медиа. Каждый из участников написал тематическую главу, обобщавшую успехи, достигнутые новой политической историей в соответствующей профильной области. Основную теоретическую нагрузку проекта несли вводная и заключительная главы, написанные Ремоном. Первая из них («Histoire presente») обобщала достижения политической истории в последние годы, вторая («Du politique») – была посвящена трактовке её объекта.

Вводная глава выполнена в полемическом тоне и направлена против методологической части обвинений. Коллективным оппонентом названы «сторонники социальной и экономической истории», а первым в ряду «своих» классиков – Ш. Сеньобос. Достоинства «новой политической истории» изображены в противовес портрету «традиционной» истории политики, некогда начертанному школой «Анналов». Всё, что ей противопоставляли анналисты, Ремон использовал как отправную точку: взаимодействие с другими социальными науками, количественные методы, крупномасштабные временные регистры: «политическая история многим обязана социологии, праву, социальной психологии и даже психоанализу, лингвистике, математике, информатике, картографии и т.д.»; её «гордость» – «исследование обширных серий числовых данных, на котором основывалось предполагаемое превосходство экономической истории». Исследования избирательных процессов продуктивно отвечали упрекам в элитарности и невнимании к широким социальным группам, а история основных идеологий изучалась в масштабах больших временных протяженностей. Общую направленность аргументов Ремон резюмировал фразой: «не существует истории более тотальной, чем история участия в политической жизни»²⁰. Это был манифест разрыва политической истории с традиционным образцом событийной и повествовательной эрудиции. Кристоф Прошассон писал, что в этой книге история политики предстала «вооруженной легитимным методом и свободной от диктата социальной истории»²¹. Однако, как справедли-

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 25, 28-29.

²¹ Prochasson 2002. P. 123.

во указал Жерар Нуарьель, авторы сборника во многом заимствовали язык своих оппонентов. По мнению Нуарьеля, они пытались обновить политическую историю, используя «инновации давностью в тридцать и сорок лет»²², а их новый проект едва ли не ограничивался тем, что применял методы «новой истории» к политической сфере.

Корни методологической базы проекта действительно восходили к работам социальных и экономических историков, в свою очередь заимствовавших разработки других дисциплин. Однако авторы сборника показали возможность применения к политике методов, находившихся в авангарде исторической дисциплины в течение десятилетий. Таким образом, им удалось добиться реабилитации политики как объекта основательного исторического исследования.

На первостепенное значение не столько методов политической истории, сколько оправдания «политики» как объекта изучения указывал и Ремон. «Конфликт концепций – писал он о критике анналистов – не был простым столкновением эпистемологических программ, а уходил корнями в фундаментальное разногласие по поводу понимания реальности, то есть по поводу объекта исторического знания»²³. Жан-Франсуа Сиринелли позднее (1998) также подчеркивал, что «эпистемологически фундаментальное значение имело не возвращение популярности политической истории, а новая легитимация её объекта»²⁴.

Вменявшийся политике «поверхностный» характер Ремон объяснял её «узким» пониманием, царившим в социальных науках²⁵. Для решения этой проблемы он предложил определение объекта политической истории через специальное расширительное понятие – «политическое» (*le politique*). Трактовке этого понятия посвящен итоговый текст сборника. Строгого определения Ремон не предлагает, во-первых, не пытаясь «закончить дискуссию, которая в течение веков будоражит философов, юристов, социологов, а только потом – историков», а во-вторых, полагая, что сфера политического не имеет «природных границ», а её широта и модальности взаимодействия с другими областями меняются во времени. Важно, что «политическое» не просто обладает самостоятельной значимостью, но «сообщается с большинством других областей», будучи «местом пересечения и средоточия каузальных цепей», местом «сгущения» социальной жизни. Таким образом, «политическое» как объект исследования, а политическая история как часть исторической дисциплины имеют не просто полноценный, но даже привилегированный статус. И хотя политика не является «глубинным» уровнем, где расположены начальные звенья причинных цепей (как

²² Noiriel 1989. P. 82.

²³ Pour une histoire politique... P. 16.

²⁴ Sirinelli 1998. P. 122.

²⁵ Pour une histoire politique... P. 31.

экономика для марксистских теорий), её познавательным преимуществом служит специфическое «срединное» положение на пересечении множества внешних связей. Ремон предложил определить «политическое» через самые общие понятия, прежде всего – через понятие «власти»²⁶. Но в отличие от Ле Гоффа он оговаривал, что политической является не всякая власть: «что угодно можно представить как отношения власти»²⁷. Ремон предлагает считать политической лишь власть, действующую на уровне всего общества в рамках политических границ.

Тавтологию в квалификации «политического» через «политические границы» Ремон устраняет лишь в одном месте, где дает скорее ориентир, чем определение: «поле политической истории» образуется вокруг «стабильного и ограниченного ядра», которое «приблизительно соответствует властным функциям государства в его традиционном понимании»²⁸; отсюда «политическое» и «излучается» (*irradie*) в другие сферы. Так требование расширения предметного поля политики и одновременно поиска операциональных границ решается определением через широкую сферу власти и «ядра» государства.

Итак, ключевой задачей для реабилитации политической истории был поиск новой трактовки политического объекта. Рене Ремон в рамках крупного коллективного проекта своих единомышленников предложил считать объектом политической истории не политику в традиционном смысле (*la politique*), но нечто более широкое (*le politique*). Хотя определение Ремона осталось далёким от исчерпывающей строгости, оно легло в основу проекта политической истории, отвечавшего методологическим стандартам, заданным в период господства «социальной и экономической истории».

Расширение предметного поля политической истории

Сборник «За политическую историю» имел успех не только в качестве опорного текста отдельной школы, он получил позитивный отклик и в стане заявленных оппонентов: положительная рецензия была опубликована на страницах журнала «Анналы». Автор рецензии Пьер Лабори указал на очевидность достижений нового направления и предрёк ему успех в долгосрочной перспективе. Тем не менее, он отметил существенный недостаток проекта – невнимание авторов «к политической реальности, проживаемой в ее повседневности», к политике «со стороны ее восприятия»²⁹. В свете быстро растущей популярности методов микроанализа и культурной антропологии этот пробел не позволял снять вопрос о «современности» политической истории.

²⁶ Ibid. P. 380-382.

²⁷ Отметим, что Ле Гофф не ставил задачи определить автономное предметное поле политической истории.

²⁸ Pour une histoire politique... P. 382.

²⁹ Laborie 1989.

В работах последователей Ремона эти содержательные недостатки удалось преодолеть. Основным инструментом стала успешная «прививка» методов культурной истории, выходявшей на доминирующие позиции в исследовательском сообществе. Возникшая в результате «культурная история политического» остается по сей день самым плодотворным продуктом исторической школы Sciences-Po. Применение методов культурной истории позволило ввести в оборот множество ранее незатронутых предметов. Пример впечатляющих метаморфоз приводит С. Азаресингх, сравнивая две пары текстов: книги «Правые во Франции...» Ремона и «Левая во Франции» Тушара с более поздними сериями «История правых» Сиринелли и «История левых» Беккера и Кандара³⁰. Там, где раньше правил институциональный, идеологический или концептуальный анализ, в новых сериях преобладает исследование «репрезентаций». Автор подчёркивает, что серии касаются «не только политических движений и идей, но также символов, памяти, ритуалов, медиаций и восприимчивости левых и правых – всех центральных проблем культурной истории»³¹. В течение десятилетия историки данного направления выпустили ряд фундаментальных работ по широчайшим темам: трёхтомную «Историю правых во Франции»³², двухтомную «Демократию во Франции»³³, трёхтомную «Общую историю политических систем»³⁴, четырёхтомную «Историю политической Франции»³⁵, сборник «Политические культуры во Франции»³⁶. Опубликованы крупные справочные издания: «Словарь политической жизни Франции в XX в.»³⁷, «Электоральный атлас Франции, 1848–2001»³⁸, многочисленные биографические словари. В каждом из этих изданий значительное место было отведено проблематике культуры.

В 1996 г. сборник «За политическую историю» был переиздан, а двумя годами позднее вышла еще более масштабная работа, ставшая его продолжением – «Оси и методы политической истории»³⁹ под редакцией С. Берстейна и П. Мильза. Книгу открывало вступительное слово Р. Ремона, а своим содержанием она демонстрировала преодоление начальных предметных рамок: тексты трёх десятков специалистов группировались вокруг трёх обширных сюжетов («Природа политического», «Государство» и «Политическое общество»). Манифестом и компактным изложением теоретических основ «культурной истории

³⁰ Rémond 1982; Touchard 1977; Candar, Becker 2005.

³¹ Hazareesingh 2007. P. 362.

³² Sirinelli 1992.

³³ La Démocratie en France...

³⁴ Histoire générale des systèmes politiques...

³⁵ Histoire de la France politique...

³⁶ Les cultures politiques en France...

³⁷ Dictionnaire historique de la vie politique française au XXe siècle...

³⁸ Atlas électoral de la France...

³⁹ Axes et méthodes de l'histoire politique...

политического»⁴⁰ стала включенная в сборник статья «Из жилища на агору: за культурную политическую историю»⁴¹. Её автором был один из пионеров культурной истории Ж.-Ф. Сиринелли⁴². Резюмируя итоги «возрождения» Сиринелли заявлял о «вновь обретенной научной строгости» политической истории, все ещё «далекой от «критического поворота». Одновременно он говорил о необходимости не допустить «преждевременного интеллектуального старения», настаивал на том, что «культурные» феномены должны быть существенной частью предметного поля политической истории: «объектом исследования политической истории является вопрос смещения и распределения авторитета и власти внутри данной группы людей», «определенная таким образом политическая история» должна изучать «не только индивидуальное и коллективное поведение», но и «то, что относится к восприятию (*perception*) и чувствительности (*sensibilit us*), а это направляет ее интерес в сторону феноменов трансляции убеждений, норм и ценностей»⁴³.

Первая часть заглавия статьи («Из жилища на агору...») отсылала к работе историка ментальностей М. Вовеля «Из подвала на чердак»⁴⁴. Вовель предлагал перейти из «подвала» экономических обменов на «чердак» ментальных операций, считая, что охват двух уровней приведет к искомой «тотальной» истории. Сиринелли призывал к дальнейшему расширению перспективы – от частного жилища к публичному пространству – «на агору», в область политической истории. Подобно тому, как история ментальностей помогла выйти из рамок социально-экономической истории, писал Сиринелли, «по пути на агору подход историка еще больше выиграет в насыщенности (*densit e*)»⁴⁵.

Сиринелли называет себя последователем Ремона и представителем второго поколения школы Sciences Po⁴⁶. Хотя он не сопоставляет напрямую свою «агору» с «политическим» Ремона, отметим, что оба термина содержат мотив срединного положения политики. Если у Ремона история участия в политической жизни была за счёт этого наиболее «тотальной», у Сиринелли «агора» оказывается наиболее «насыщенной» культурными феноменами, поскольку находится в центре совокупности неполитических сфер: «на агоре пересекаются, сталкиваются, но также взаимно отражаются все элементы города»⁴⁷. Таким

⁴⁰ См. о теории «политических культур»: Berstein 1992; *Les cultures politiques en France...; Cultures politiques en France...*

⁴¹ Sirinelli 1998.

⁴² Сиринелли долгое время совмещал руководящие должности в Центре истории Sciences Po, Ассоциации за развитие культурной истории, Комитете истории Франции и «Историческом журнале».

⁴³ Ibid. P. 121, 125.

⁴⁴ Vovelle 1980.

⁴⁵ Sirinelli 1998. P. 122.

⁴⁶ Ibid. P. 124.

⁴⁷ Ibid. P. 131.

образом, *место* политики в обоих случаях оказывается причиной привилегированного статуса политической истории. Также в обоих случаях политика связана со сферой власти. Однако у Сиринелли в отличие от Ремона в пределах этой сферы политика не привязана к государственному «ядру», но происходит из взаимодействия «мыслящих и действующих» субъектов⁴⁸, образующего некоторую публичную территорию – «агору», в противоположность «жилищу» как месту частной жизни. Таким образом, возможность успешной адаптации методов культурной истории Сиринелли осуществляется посредством перехода к «антропологической» трактовке политики. Благодаря этому переходу политическая история смогла уйти от привязки к государству и существенно расширить предметное поле своих исследований.

Пределы политического и «размывание объекта» политической истории

Выявление тенденций последних лет даже в рамках отдельной исторической субдисциплины является трудной задачей. Сложность заключается не только в отсутствии необходимой дистанции, но и в специфике современной историографии. И.М. Савельева при анализе теоретического развития исторической науки пишет, что в XXI в. не произошло перемен, сопоставимых с любым из десятилетий второй половины XX в. Продолжается экспансия культурной истории, но при этом «историки опираются на аналитические процедуры и методы, освоенные и “присвоенные” ими в предыдущем веке». Тем не менее, новые «повороты» все же возникают и самым значительным среди них является «пространственный», в рамках которого возникли такие крупные направления, как глобальная и транснациональная истории⁴⁹.

Эта картина отражает положение дел и в новой политической истории. Расширение предметного поля средствами культурной истории не исчерпало её динамического заряда: идет освоение не типичных для политической истории областей вроде экономики⁵⁰ и демографии⁵¹, происходят попытки внедрения *histoire politique de l'environnement*⁵². И всё же наибольший объем работ по-прежнему ведется в русле истории культурной. В частности, в рамках культурной политической истории XX в. особенно активно развивается история медиа⁵³.

Политическая история сохраняет амбициозность. В недавней статье «За тотальную политическую историю современной Франции» Эрик Ансо пишет, что благодаря достижениям последних лет, в том

⁴⁸ Ibid. P. 125.

⁴⁹ Савельева 2012. С. 35, 37.

⁵⁰ См. Delalande 2015.

⁵¹ См. напр. Rosental 2006.

⁵² Frioux, Lemire 2012.

⁵³ Можно назвать работы Янника Дезе (Yannick Dehé), Кристиана Дельпорта (Christian Delporte) и др.

числе, достижениям культурной истории, пришло время, «чтобы мечта Рене Ремона о рождении тотальной политической истории приобрела конкретные очертания»⁵⁴. Автор подчеркивает, что не говорит о политической «супертеории», а видит политическую историю местом сведения разных подходов, площадкой для синтеза. Политическая история имеет центральное значение подобно тому, как «агора является местом мирной и многоголосной встречи всех элементов города»⁵⁵.

Наиболее серьезным вызовом последних лет стало возникновение различных вариантов глобальной истории, требующих выхода за границы национального государства⁵⁶. Концептуальные трудности, которые предполагает для политической истории адаптация «транснациональной» оптики рассматривает «программный» текст Ж.-Ф. Сиринелли «Политическая история в эпоху транснационального поворота: агора, город, мир ... и время». Переход к транснациональному масштабу, согласно Сиринелли, является «желательным», но трудным, поскольку «рамкой политической истории до сих пор часто оставалось государство-нация»⁵⁷. Проблема, как и в тексте 1998 г., рассмотрена через призму объекта политической истории и метафору греческого города.

Роль «мыслящего и действующего» субъекта как базового элемента политики в этой работе специально не обсуждается, уступая место «коллективному измерению» политики. «Итак, на перекрестке интереса к индивидуальному и коллективному, к общему и особенному, находится, в том числе, политическая история, которая ставит своей целью (*s'assigne pour objet*) анализ распределения власти в группе, изучение борьбы и напряжений, из него вытекающих, исследование идей, питающих эти столкновения. Следовательно, такая политическая история должна быть размещена в подвижной геометрии, которая в том, что касается ее коллективного измерения, грубо говоря, артикулируется между агорой, городом и миром». Новая схема «агора–город–мир», по словам Сиринелли, является системой «концентрических кругов», что возвращает его к тезису о центральном значении политического объекта: «Видно, что подобное тройное видение [агора, город, мир] уже является преодолением ограниченности политической истории: агора является её сердцем, но также вместилищем и инкубатором настроений и желаний, рожденных в более ограниченной сфере жилища, и, в тоже время – место кристаллизации коллективных смыслов, коренящихся в сферах, не всегда непосредственно относящихся к политике»⁵⁸.

⁵⁴ Anceau 2012. P. 111.

⁵⁵ Anceau 2012. P. 132.

⁵⁶ Для обозначения совокупности этих подходов, Л. Мартэн прибег к громоздкой формуле «история сравнительная, перекрестная, соединенная и global-world-transnational history. См. Martin 2011. P. 1.

⁵⁷ Sirinelli 2011. P. 394.

⁵⁸ Ibid. P. 399.

По нашему мнению, последовательность масштабов существует здесь только в метафорическом пространстве. «Агора» и «мир» образуют с «городом» качественно разные связи и тем более не выстраиваются в единую линию масштабов с переходом от индивидуального уровня к коллективному – «из жилища на агору». Напомним, что в статье 1998 года «город» был представлен как общий внешний контекст «агоры», так что она не может быть помещена в одну систему масштабов с «миром». Иными словами, её границы и внешние границы метафорического «города» несоизмеримы.

Содержательная связь со статьей 1998 года, таким образом, лежит не столько в системе метафор, сколько в описании нового историографического «поворота» как плодотворного для политической истории в силу положения её объекта. «Агора» помещается в центре, а точнее – в «сердце» транснационального общества, как это ранее было сделано во времена «культурного поворота». Освоенные на предыдущем этапе подходы теперь представлены частью далее расширенной методологии политической истории, которая таким образом поддерживает картину кумулятивного развития⁵⁹.

Однако в текстах последних лет мотивы синтеза и открытости сторонним методам соседствуют с относительно новой темой защиты автономии собственной территории внутри исторической дисциплины. «Хотя соседство с другими областями истории и даже с другими дисциплинами является многообещающим и желательным, – пишет Паскаль Гоши, – оно создает опасность, как только мы начинаем необдуманно использовать инструменты других ремесел и понятия, созданные для других сюжетов». Гоши отмечает: «периметр [политической истории] заметно расширился, что, возможно, создает риск размывания ее объекта (*dilution de l'objet*)»⁶⁰. Азаресингх схожим образом предостерегает: «главная опасность» на пути взаимопроникновения политической истории и истории культурной – чрезмерный акцент на подходах последней, который может привести к «дереализации изучаемого [политической историей] объекта». Поэтому он призывает «сохранить основополагающие для территории политического опорные точки», а на пути междисциплинарности «иметь чувство меры и избегать излишнего эклектизма»⁶¹. Таким образом, радикальное расширение предметного поля политической истории вновь поднимает вопрос о том, что же является собственно «политическим».

⁵⁹ В 2011 г. в Центре истории Sciences Po была создана специальная группа исследования «транснациональных культурных циркуляций». См.: <http://chsp.sciences-po.fr/groupe-de-recherche/circulations-culturelles-transnationales-institutions-savoirs-pratiques-projet-d>. Сегодня ее в структуре Sciences Po нет, а нишу истории в глобальных масштабах занимает группа **интернациональных исследований**.

⁶⁰ Gauchy 2015, P. 204.

⁶¹ Hazareesingh 2007. 364-366.

Такое двойственное положение сродни ситуации, которую в годы своего становления пережила французская политология. В послевоенные десятилетия она была вынуждена бороться за место в научном дискурсе о политике с уже устоявшимися дисциплинами – правом, антропологией, историей, социологией и др.⁶² Как показал Б. Вута, дебаты об определении собственного объекта исследования имели для французской политической науки основное значение в конкуренции с другими дисциплинами⁶³. Выбор, в пределе, сводился к двум альтернативам: с одной стороны, – институционально-правовое определение, ориентированное на государство (например, у Марселя Прело), с другой – широкое определение «отношений и структур власти» в качестве объекта политической науки (Морис Дюверже). «Узость» первого снижала конкурентоспособность новой науки, тогда как второе исключало возможность познания глобального объекта средствами сколько-нибудь самостоятельной дисциплины.

Для рассмотренного выше варианта политической истории, по-видимому, значения политического объекта, в конечном итоге, лежат в диапазоне между подобными предельными трактовками. Одну из них можно условно назвать «широкой» – объект политической истории при таком подходе определяется как область значимых властных отношений. Здесь «политическое» (*le politique*) выступает как универсальное и неотъемлемое свойство всякого человеческого общества в любой момент времени, а историчными и локальными являются только его конкретные формы. Открывая предметное разнообразие и хронологическую глубину, оно, в конечном итоге, грозит ослаблением дисциплинарной идентичности и снижением автономности (например, «чистую» политическую историю власти предлагал Жак Ле Гофф, однако в его глазах она требовала руководства антропологии и экономики).

Другой полюс – пристанище «старых бесов», «узкое» и «поверхностное» изучение политики (*la politique*), эквивалентом которой у Редона служило государственное «ядро». Средствами культурной истории политического попытались отказаться от привязки к государству. Однако в последние годы это спровоцировало дискуссию о «размывании» объекта исследования политической истории. Таким образом, образцовое значение государства, несмотря на попытки новой политической истории выйти из его рамок, остается ключевым элементом идентичности политической истории как автономной субдисциплины.

Приступая к написанию данной статьи, мы исходили из простого наблюдения: труды конкретной школы политической истории демонстрируют первичные признаки исторического синтеза – аккумуляцию

⁶² Thiébauld 2015. P. 187-188.

⁶³ Voutat 2001.

новых методов, всё больший тематический и хронологический охват, преемственность исследовательской традиции.

Мы попытались показать, что этого удалось достичь посредством последовательных реконструкций исследовательского объекта, смещением его определений между слишком «узкой» историей государства и слишком обширной историей власти. Гибкость трактовок политического объекта позволяла прибегать к междисциплинарным заимствованиям второго порядка, последовательно осваивая подходы, имевшие успех в других областях исторической науки.

Эти заимствования, однако, не нарушали дисциплинарной идентичности, так что Рене Ремон мог использовать методы «социальной и экономической истории», ссылаясь на наследие Ш. Сеньобоса, а его последователи могли сослаться на самого Ремона, вооружившись «культурной историей», а затем – «транснациональной» оптикой.

У рассмотренных трактовок политического объекта прослеживается ряд устойчивых сквозных элементов, без которых поддержание дисциплинарной преемственности политической истории как автономной субдисциплины было бы, видимо, проблематичным. Это, к примеру, представление о связи политики с общественно значимой властью, о «центральном» положении политики относительно совокупности неполитических сфер, о государстве как об образцовом средоточии политической власти. Эти три тезиса присутствуют как исходные уже в трактовке политического объекта Р. Ремоном. Иными словами, в рассмотренном здесь исследовательском течении они фигурируют с самых ранних этапов и не являются продуктом собственной теоретической дискуссии. Кроме того, они сохраняли своё значение при системном заимствовании существенно различающихся объяснительных моделей, поэтому их нельзя вывести из какой-либо конкретной теории социальных или гуманитарных наук последних десятилетий. Таким образом, истоки этих представлений о политическом объекте лежат за рамками предмета, рассмотренного в данной статье, а их прояснение потребовало бы гораздо более масштабного исследования.

Рассмотренный пример показывает значимость конструирования и реконструирования исследовательского объекта в условиях, когда различные исследовательские подходы укладываются в пределы индивидуальных биографий ученых и компактных отрезков жизни научных школ (иначе – после ухода «больших концепций»). В таких условиях, при адаптации актуальных подходов растет значение теоретической работы, обосновывающей *сохранение* ценности исследовательского объекта. Такая адаптивная консервация объекта может быть условием сквозного роста компетентности исследователя, а на уровне отрасли знания – инструментом аккумуляции исследовательских результатов и производства технически более широких обобщений.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Историзирующая история. О чужой для нас форме истории // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 67–71. [Istoriziruyushchaya istoriya. O chuzhoi dlya nas forme istorii // Fevr L. Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991. S. 67–71]
- Ле Гофф Ж. Является ли всё же политическая история становым хребтом истории? (пер. Дубровского И. В.) // THESIS, 1994, вып. 4. С. 177–192. [Le Goff Zh. Yavlyaetsya li vse zhe politicheskaya istoriya stanovym khrebtom istorii? (per. Dubrovskogo I. V.) // THESIS, 1994, vyp. 4. S. 177–192]
- Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 138. С. 25–53. [Savel'eva I.M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskii frontir // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 138. S. 25–53.]
- Anceau E. Pour une histoire politique totale de la France contemporaine, Histoire, économie & société. 2012. 2, P. 111–133.
- Axes et méthodes de l'histoire politique / Dir. S. Berstein, P. Milza. Paris: PUF, 1998.
- Berstein S. L'historien et la culture politique // Vingtième Siècle, revue d'histoire. 1992. 1. P. 67–77.
- Candar G., Becker J.-J. Histoire des gauches en France. Paris: Découverte, 2 vol. 2005.
- Chaunu P. Histoire, science sociale. La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. Paris: SEDES, 1974.
- Cultures politiques en France / Dir. D. Céfai. Paris: PUF, 2001.
- Delalande N. Vers une histoire politique du capital? // Annales. HSS, 2015. 1. P. 47–59.
- Deloye Y., Voutat B. Faire de la science politique: pour une analyse sociohistorique du politique, Paris: Belin, 2002.
- Dictionnaire historique de la vie politique française au XXe siècle / Dir. J.-F. Sirinelli. Paris: PUF, 1995.
- Discussion avec un historien historisant // Berr H. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. Paris, 1921.
- Doss F. L'Histoire en miettes: des Annales à la «nouvelle histoire». P.: La Découverte, 1987.
- Histoire générale des systèmes politiques / Dir. M. Duverger, J.-F. Sirinelli. P.: PUF, 3 vol. 1998.
- Fabiani J.-L. La généralisation dans les sciences historiques. Obstacle épistémologique ou ambition légitime? // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2007. 1. P. 9–28.
- Frioux S., Lemire V. Pour une histoire politique de l'environnement au 20e siècle // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2012. 21. P. 3–12.
- Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. Mai-Août 1988. 50. P. 165–170.
- Gauchy P. L'histoire politique contemporaine, essai bibliographique // Les historiens français à l'œuvre, 1995–2010 / Dir. J.-F. Sirinelli et alii. Paris: PUF, 2015. P. 185–204.
- Hazareesingh S. L'histoire politique face à l'histoire culturelle: état des lieux et perspectives. Revue historique. 2007. 2. P. 355–368.
- Histoire de la France politique. P.: Seuil, T. 1. Le Roi, l'Eglise, les grands, le peuple 481–1514 / Dir. P. Contamine, 2006; T. 2. La Monarchie, Entre Renaissance et Révolution 1515–1792 / Dir. J. Cornette, 2006; T. 3. L'invention de la démocratie (1789–1914) / Dir. S. Berstein, M. Winock, 2008; La République recommencée, de 1914 à nos jours / Dir. S. Berstein, M. Winock, 2012.
- Histoire et sciences sociales. Un tournant critique? // Annales. ÉSC. 2, 1988. P. 291–293.
- Julliard J. La politique // Faire de l'histoire / Dir. J. Le Goff, P. Nora. Paris: Gallimard, 1974. P. 229–249.
- L'Histoire des droits en France / Dir. J.-F. Sirinelli. Paris: Gallimard, 3 vol. 1992.
- La Démocratie en France / Dir. M. Sadoun. Gallimard, 2 vol. 2000.
- Laborie P. Remond R. Pour une histoire politique // Annales. ÉSC. 1989. 6. P. 1368–1370.
- Le Goff J. Les «retours» dans l'historiographie française actuelle // Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques. 1992. 3. URL: <http://ccrh.revues.org/2322>
- Les cultures politiques en France / Dir. J.-P. Rioux, N. Roussellier, S. Berstein. P.: Seuil, 1999.
- Les cultures politiques en France / Dir. S. Berstein. Paris: Seuil, 2003.

- Martin L. Contribution à l'étude des circulations culturelles transnationales // *Histoire@Politique*. 2011. 3. P. 1–3.
- Pour une histoire politique / Dir. R. Remond. Paris: Seuil, 1988.
- Prochasson Chr. La politique comme culture // *Le mouvement social*. 2002. 3. P. 123–128.
- Remond R. La Droite en France de 1815 à nos jours. Continuité et diversité d'une tradition politique. Paris: Aubier, 1954.
- Rémond R. Les droites en France, Paris: Aubier, 1982.
- Rosanvallon P. Pour une histoire conceptuelle du politique. Paris: Seuil, 2003.
- Rosental P.-A. Pour une histoire politique des populations // *Annales HSS*. 2006. 1. P. 7–29.
- Salmon F. Atlas électoral de la France, 1848-2001. Paris: Seuil, 2003.
- Simiand F. Méthode historique et science sociale // *Revue de synthèse historique*. 1903. P. 129–157.
- Sirinelli J.-F. De la demeure à l'agora. Pour une histoire culturelle du politique // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. 1998. 1. P. 121–131.
- Sirinelli J.-F. L'histoire politique à l'heure du transnational turn: l'agora, la Cité, le monde ... et le temps, *Revue historique*. 2011. 2. P. 391–408.
- Thiébaud J.-L. French political science: Strengths and weaknesses // *French Politics*. 2015. 2. P. 185–220.
- Touchard J. La gauche en France depuis 1800. Paris: Seuil, 1977.
- Voutat B. La science politique ou le contournement de l'objet // *Espaces Temps*. 2001. 1. P. 6–15.
- Vovelle M. De la cave au grenier, Québec: Serge Fleury Ed., 1980.

Веревкин Антон Юрьевич, аспирант Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; antonverevkin@yandex.ru

Contemporary political history in France as a project of historical synthesis

During last three decades political history is proving to be a fully pertinent field of the French historical science. After a long period of profound discredit French political history has managed to enrich its methodology with resources of the adjacent disciplines, transcended its traditional boundaries of state institutions and public law and developed research technics for wide temporal scales. Thus French political history shows basic capacities for so-called historical synthesis, highly in demand in France after decline of the classic social history. This paper is dedicated to the analysis of causes for the recent rise of the political history in France. This paper is concentrated on the proper theoretical work of political historians promoting their own field, rather than on any explanation deriving from a diagnosis of the tendencies on the level of the whole historical discipline. In particular, this paper shows crucial importance of a certain manner of political historians to define the field of research of political history.

Keywords: new political history, cultural political history, interdisciplinarity, historical synthesis

Anton Verevkin, post-graduate student, School of History, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; antonverevkin@yandex.ru.